

ОТЗЫВ

**официального оппонента
доктора исторических наук Сергеева Евгения Юрьевича
на диссертацию Чувардина Германа Сергеевича
«Офицерский корпус императорской гвардии
в системе военной и военно-политической элиты
Российской империи 1881–1914 гг.»,
принятой к защите на соискание ученой степени доктора историче-
ских наук по специальности: 07.00.02 – Отечественная история
Диссертационным советом Д 199.053.02 при ФГБОУ ВО
«Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского»**

Диссертационное исследование Г.С. Чувардина «Офицерский корпус императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.» обладает бесспорной актуальностью и научной новизной, обусловленными двумя моментами: попыткой впервые в отечественной науке стратифицировать военно-политическую элиту Российской империи в период царствования последних двух императоров – Александра III и Николая II, а также стремлением диссертанта рассмотреть офицерский корпус российской гвардии как особой социальной группы, которая, по его мнению, сохраняла свое значение в качестве элитообразующей структуры вплоть до начала Первой мировой войны.

Стоит подчеркнуть, что Г.С. Чувардин предлагает собственную, в ряде положений оригинальную классификацию основных компонентов военной элиты России на макро- и микроуровнях. Исследователь приходит к выводу о том, что в первом случае следует говорить о военно-политической элите, а во втором – только о военной, включив в ее состав свиту, высшую военную бюрократию, офицеров Генерального штаба как военных интеллектуалов, георгиевских кавалеров, а также членов Военного Совета и Александровского комитета раненых (две последние

группы называются в диссертации как «псевдоэлитой», так и «военной геронтократией»).

При этом научный труд Г.С. Чувардина демонстрирует собой удачный пример комплексного, междисциплинарного и, важно подчеркнуть, компаративного подхода к не утратившей дискуссионности проблеме определения места и роли военной элиты России в позднеимперском политическом пространстве. Здесь необходимо также упомянуть об использовании диссертантом просопографии, или историко-биографического метода, позволившего ему на основе обширных баз данных, представленных в более, чем сотне информативных приложений, создать «коллективный портрет» российской военной элиты конца XIX – начала XX вв.

В пространном введении к диссертации автору удалось показать актуальность выбранной им темы, четко обозначить объект и предмет, поставить цель и определить задачи исследования, а также аргументировать его хронологические рамки, которые не вызывают возражений принципиального характера.

Представляется также, что ряд положений и выводов, сформулированных в представленном диссертационном исследовании, могут найти практическое использование при подготовке учебных пособий и особенно справочных изданий, а также проведении лекций и семинаров в высших учебных заведениях гуманитарного профиля по истории России, ее вооруженных сил и, конечно, императорской гвардии.

В первой главе научного труда содержится солидный историографический обзор, включающий рассмотрение новейших отечественных публикаций, и анализ корпуса источников, привлеченных Г.С. Чувардиным на протяжении исследовательского поиска. Историк стремится идентифицировать военную и военно-политическую элиту Российской империи, делая вывод о том, что до настоящего времени эта проблема остается нерешенной в силу своей многогранности. Вместе с тем дис-

сертант предлагает свое, довольно расплывчатое понимание элиты, которое, на наш взгляд, не проясняет, а только запутывает вопрос. На с. 78 он трактует ее как «степень глубины погружения конкретной «группы членства» во власть». «При этом, – сообщает исследователь далее, – в случае императорской России мы должны говорить об устойчивом симбиозе военной и политической элиты, сначала в форме аристократии, а затем меритократии с милитократическим оттенком». Следует признать, что фактически диссертант воспроизводит достаточно спорное определение элиты, которое дала зарубежная исследовательница Д. Крэстева, не являющаяся историком, политологом или социологом. Кроме того, в связи с историографией следует подчеркнуть, что от внимания Г.С. Чувардина ускользнул значительный массив работ в области элитологии, принадлежащих перу англо-американских и германских авторов. А из отечественных исследователей вне поля его зрения осталась, к примеру, фундаментальная монография О.В. Гаман-Голутвиной¹. И еще одно замечание: вряд ли правомерно разделять советскую историографию на два периода по тому принципу, которого придерживается диссертант, выделив «сталинистский» и «постсталинистский» периоды. Более целесообразным стало бы указание на то, что после окончания Второй мировой войны в связи с появлением десятков развивающихся стран, где военные перевороты, к сожалению, были частым явлением, проблемы формирования и трансформации элиты вооруженных сил приобрели в зарубежных социально-политических исследованиях особое значение.

Источниковая база диссертации Г.С. Чувардина представляется адекватной достижению поставленной цели и выполнению задач исследования. Можно только рекомендовать диссертанту использовать материалы РГА ВМФ, что, конечно же, потребовало бы расширения про-

¹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998.

блемно-предметного поля работы, объем которой и так довольно внушителен.

Следующая глава диссертации посвящена анализу основных страт высшего слоя императорской элиты. К ним автор справедливо относит фамилию Романовых, наследственную аристократию и офицеров Генерального штаба, указывая на то, что особенно после Русско-японской войны 1904–1905 гг. ускорился процесс замещения элиты вооруженных сил выпускниками Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ), которые стараниями прежде всего военного министра А.Ф. Редигера и великого князя Николая Николаевича (мл.) постепенно вытесняли на ключевых командно-административных постах старый генералитет, начавший службу еще при Д.А. Милютине. Кстати, нельзя, на наш взгляд, согласиться с принижением содержания учебного процесса в НАГШ, равно как и качества профессиональной военной подготовки российских генштабистов (на с. 230 автор пишет об их «весьма сомнительном академическом образовании»)². Наконец, вызывает удивление причисление к военной, хотя и, как пишет автор, «псевдоэлите», членов ничего не решавшего Александровского комитета раненых (с. 246–253).

Содержание третьей, пожалуй, центральной главы всей работы связано с рассмотрением динамики формирования и эволюции российской императорской гвардии, в которой Г.С. Чувардину удалось выделить несколько сегментов, включая казаков, артиллеристов и стрелков. Однако, как уже отмечалось выше, за пределами исследования остался Морской гвардейский экипаж, который, без сомнения, также имел все основания занять достойное место в научном труде диссертанта. В этой связи трудно согласиться с его утверждением, что именно гвардия являлась «основной элитообразующей структурой» вооруженных сил Рос-

² См. совершенно противоположную и в целом высокую оценку обучения в НАГШ, бывшего генштабиста, а впоследствии советского маршала Б.М. Шапошникова: Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. С. 169–170.

сии. (с. 254 и далее). Хотелось бы выдвинуть два возражения. Во-первых, на протяжении позднеимперского периода и особенно в связи с реформами 1905–1912 гг. вполне четко обозначилась тенденция падения роли и значения гвардии в вооруженных силах империи, что признает сам диссертант в заключении научного труда (с. 595). На ее место приходили именно не представители крупной земельной аристократии, а именно разночинные генштабисты, которых Г.С. Чувардин почему-то назвал «контрэлитой» в итоговой таблице своей диссертации (с. 594). Во-вторых, большинство элитологов всегда приводили три главных критерия отнесения к элите: – позиционный – занятие руководящих должностей в государственной машине; результативный – причастность к принятию решений первостепенной важности и репутационный – совокупность личных качеств данного индивида, главным образом, как писал М. Вебер, обладание некой «харизмой» руководителя высшего уровня. Если же мы вслед за Г.С. Чувардиным проанализируем различные структуры гвардии, то при всем «мишурном блеске» гвардейских офицеров, включая генералитет, не обнаружим у них качеств, отвечающих приведенным выше критериям. Во всяком случае, мы полагаем, что отсутствие какой-либо причастности гвардейских генералов-казаков или артиллеристов вместе со стрелками к принятию решений государственной важности не требует доказательств. Поэтому говорить о том, что для российских офицеров перед началом мировой войны «главным карьерным трамплином оставалась служба в гвардии» (с. 598), на наш взгляд, вряд ли правомерно.

Наконец, четвертая часть рассматриваемой диссертации помимо изложения биографий видных представителей высшего командного состава гвардии освещает заслуживающие внимания нюансы повседневной жизни опять-таки гвардейцев. Здесь диссертант представляет составленную им классификацию основных занятий офицеров элитных

полков вне строя, что существенно дополняет наше понимание особенностей несения ими службы в мирное время.

Как уже отмечалось, выводы, к которым пришел Г.С. Чувардин, заслуживают внимания, хотя и являются небесспорными. Так, нельзя согласиться с утверждением диссертанта о том, что «в начале второго десятилетия XX в. офицеры Генерального штаба имели весьма смутное представление» о вооруженных силах вероятных противников России» (с. 597). Впрочем, можно вполне согласить с одним из главных утверждений диссертанта касательно «упорного нежелания военно-политического руководства России двигаться в ногу со временем» наряду с маниакальным стремлением «сохранить максимум привилегий, характерных для предыдущих эпох».

Отмечая в целом высокий семантический и стилистический уровень текста диссертации, укажем все же на недостатки научного сочинения Г.С. Чувардина редакционного характера: отдельные языковые погрешности, использование неудачных метафор, смешение разговорной и научной лексики, а также опечатки (напр., на с. 3, 21, 25, 28, 62 и т.д.). К замечаниям по оформлению научно-справочного аппарата следует отнести довольно своеобразную классификацию исследовательской литературы в представленном списке с выделением таких групп, как «Отдельные статьи и монографии» или «Научно-теоретические исследования», а также в ряде случаев несоблюдение стандартов помещения сносок на страницах рецензируемого научного сочинения.

Вместе с тем, указанные выше замечания не умаляют колоссальной работы, проведенной диссертантом в процессе изучения репрезентативного корпуса неопубликованных и опубликованных источников, часть которых впервые введена им в научный оборот. Отличаясь рекомендательным характером, эти замечания, на наш взгляд, не снижают общей высокой оценки профессионального уровня представленной диссертации, логика структурной композиции которой не оставляет сомне-

ний в достижении Г.С. Чувардиным поставленной цели и решении конкретных задач исследования.

Автореферат и публикации автора рассматриваемого труда достаточно полно отражают содержание диссертации.

Резюмируя, подчеркнем, что работа Г.С. Чувардина представляет собой самостоятельную, завершенную квалификационную работу, в которой предложена оригинальная, хотя и остающаяся дискуссионной, концепция генезиса и социальной стратификации военно-политической элиты Российской империи, имеющая важное научно-познавательное и практическое значение.

Полагаем, что диссертационное исследование «Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.» и автореферат докторской диссертации отвечают требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК (Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 29 мая 2017 г.), а их автор Г.С. Чувардин заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

Доктор исторических наук, профессор

Главный научный сотрудник

ФГБУН Институт всеобщей истории РАН

Е.Ю. Сергеев

Адрес ФГБУН ИВИ РАН:

119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А

+7 495-938-10-09

3 октября 2017 г.

Подпись Сергеева Евгения Юрьевича удостоверяю.

